

Освещение российской истории в современном Китае

**(на материалах учебников истории для средней школы
и популярной литературы о России)**

© 2010

Н. Тен

На материале современных китайских учебников истории для средней школы и русистической литературы для широкого круга читателей, изданной в Китае в период с 1997 по 2008 гг., исследуется характер освещения российско-китайского взаимодействия, в том числе территориального размежевания, и оценка ключевых этапов истории нашей страны. Выделяя особенности понимания российской истории в Китае, автор рассматривает их как важнейший фактор, влияющий на образ России в современной КНР.

Ключевые слова: образ России, российско-китайские отношения, китайские школьные учебники истории, современные русистические публикации для широкого круга китайских читателей.

Как известно, исторический фактор играет немаловажную роль в формировании образа России в Китае. Это относится, прежде всего, к истории двустороннего территориального размежевания и особенностям взаимодействия наших стран в разные исторические периоды¹. Кроме того, в Китае сложилась традиция почтительного и одновременно прагматического отношения к истории, поэтому и в общем образе нашей страны удельный вес представлений, связанных с историей, довольно велик.

Еще в 1960-е гг. различное отношение в КНР к “царской России” и “Советской России” было зафиксировано американским исследователем Т.А. Ся. Эти две концепции китайского восприятия России автор справедливо связывал со сложными двусторонними отношениями. Советская Россия, пишет Т.А. Ся, была “для отсталого Китая образцом и знаком того, что счастливое будущее разделят и “китайские братья”; образ “царской России” был связан “с памятью о постыдном прошлом России, о ее кровавых грехах”².

Этот подход в общих чертах сохраняется и в наши дни. “Царская Россия” по-прежнему воспринимается многими авторами как агрессор. Положительное восприятие нашей страны формируется при изложении истории Советской России/СССР. Как в школьных учебниках, так и в популярной русистической литературе Россия после 1917 г. предстает носительницей пере-

довых идей и образцом в деле строительства социализма. Китайские авторы подчеркивают важную роль В.И. Ленина и значение Октябрьской революции для развития мира в XX в. Исследователи из Академии современных международных отношений (КАСМО) Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь высоко оценивают помощь Советского Союза КНР, однако считают, что советские руководители выдвигали при этом завышенные требования к Китаю: “Сталин хотел, чтобы Советскому Союзу Китай отдал часть территории для производства каучука; Хрущев требовал создания совместного с Китаем военно-морского флота и длинноволновой станции слежения за атомными подлодками в Китае”³. История СССР со второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. снова оказывается представленной в негативном свете. Образ же современной России в историческом контексте еще не сформирован полностью, поэтому, хотя в китайской популярной литературе и называют Российскую Федерацию “наследницей Советского Союза”, образ “новой” России имеет свои особенности.

При освещении российской истории китайские авторы значительное, а порой даже чрезмерное внимание уделяют иностранному влиянию в истории России. Так, происхождение слова “русь” они связывают исключительно с покорением восточных славян варягами: “Русью изначально назывались германские племена Скандинавского полуострова — норманны. Восточные славяне называли их варягами, то есть купцами, торговцами. Финны же звали их русью. В IX в. варяги покорили восточных славян и название “русь” перешло на всех восточных славян”⁴. При этом китайские авторы не указывают, что существуют и другие версии происхождения слова “русь”, ни одна из которых, включая приводимую ими, не является на данный момент общепринятой. История создания древнерусского государства излагается ими в соответствии с умеренно-норманнской теорией, признающей важную роль варягов в становлении русской государственности и последующую ассимиляцию малочисленных норманнов в Древней Руси.

Научный сотрудник института России, Восточной Европы и Средней Азии АОН КНР Пань Дэли, главный редактор справочника “Легочжи: Эло-сы” (“Страны мира: Россия”), отмечает, что с 882 г. по 1242 г. Россия подверглась сильнейшему иностранному влиянию: пришедшие с севера варяги сначала превратили ее в единое политическое целое; затем Россия приняла с юга, из Византии, христианство; впоследствии была покорена монголо-татарами⁵. Несмотря на то, что эти события действительно имели место в истории, в данном случае можно говорить о явном преувеличении роли внешних факторов в становлении России.

Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь выделяют пять “волн иностранного влияния” на историческое развитие России. Первая волна связана с восприятием из Византии православия. Монголо-татарское иго как “натиск восточной культуры” составляет вторую волну. Авторы отмечают, что выделение монголо-татарами владимирского великого князя среди всех других князей создало предпосылки для централизации власти и собирания земель вокруг Москвы. Важнейшую роль в этом они отводят выходцу из киданьского императорского рода, известному сановнику Елюй Чуцаю, который получил классическое китайское образование и был советником Чингисхана. Именно он, как полагают авторы книги, познакомил монголо-татар с китайским искусством управления государством. Цзи Чжие и

Фэн Юйцзюнь ссылаются на труд М.Н. Покровского (вероятно, имея в виду “Историю России в самом сжатом очерке”. — Н.Т.), одобренный, по утверждению авторов, самим Лениным, и подчеркивают мысль о том, что “объединение Руси вокруг Москвы по меньшей мере наполовину — заслуга татар”⁶. Таким образом, авторы обосновывают идею влияния китайской политической системы на формирование русского государства.

“Третья волна внешнего влияния”, которую выделяют эти исследователи, — “западно-европейский гуманизм (1540–1880-е гг.)”. Они особо подчеркивают, что именно с 40-х гг. XVII в. начинается конфликт между европейским протестантизмом, провозглашавшим важное значение экономики, науки, гуманизма, и русскими традиционными ценностями⁷. Далее Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь приводят отрывок из произведения мыслителя XVII в. Юрия Крижанича (здесь, по-видимому, имеется в виду “Политика”⁸ 1663 г. — Н.Т.) о влиянии немцев и греков на Россию: немцы “проповедуют новый порядок” и призывают Россию отречься от традиционных православных ценностей, в то время как греки “выступают против всего нового и загоняют Россию на узкий путь развития”⁹. По мнению Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня, это отражает сомнения русских правителей, выбиравших между православием и протестантизмом.

В XVIII в. влияние Запада отразилось, главным образом, в реформах Петра I. Переписка Екатерины II с Вольтером, Дидро, Монтескье послужила распространению идей Просвещения в России, “хотя Екатерина II имела мало общего с этими французскими просветителями”¹⁰. Возможно, под этим авторы подразумевают приверженность Екатерины II самодержавию и крепостному праву. В это же время появляются мыслители, пропагандирующие новые западные идеи: Ф. Прокопович, И. Посошков, М. Ломоносов, А. Радищев и другие. В XIX в. развитие этих идей привело к восстанию декабристов, которое свидетельствовало о процессе “притирки западных идей и русской действительности”. Единственным, по мнению Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня, результатом этой “притирки” явилась отмена крепостного права в 1861 г. Однако после поражения революционно-демократического движения 1860-х и народничества 1870-х гг. стало ясно, что другие точки соприкосновения западноевропейских идей и русской действительности не были найдены¹¹.

В этих условиях начинается четвертая волна иностранного влияния — знакомство с марксизмом. Авторы книги отмечают, что и в этом случае “был пройден трудный путь соединения западно-европейского марксизма с российскими реалиями”. Так, первый русский марксист Г.В. Плеханов “не смог найти точки соприкосновения марксизма и русской действительности”, “оказался в плену догматизма”. В.И. Ленин отказался от “традиционного слепого копирования” и начал разрабатывать собственную теорию. Важной его заслугой Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь называют отказ от военного коммунизма и выдвижение идеи НЭПа, которая была после его смерти отвергнута И.В. Сталиным. Последний, несмотря на ряд “важных достижений в части теории”, допустил ряд ошибок, например, ввел казарменные порядки при управлении страной, сделал упор на развитии тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству. В дальнейшем, при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе эти ошибки привели к застою в экономике и другим негативным последствиям¹².

С приходом М.С. Горбачева Россия снова подвергается массированному влиянию западных идей. Результатом этого (“попытки оперирования советской социалистической системы с помощью скальпеля западной демократии”¹³) становится распад СССР. Последствия ельцинской политики свидетельствуют о том, что “слепое поклонение Западу” привело к краху экономики¹⁴.

В заключение, авторы книги выражают большое сомнение в том, что “в условиях заимствования всего иностранного Россия сможет найти собственный путь развития”. Для подтверждения своих выводов они дают несколько зарисовок из современной российской действительности: талантливый студент МГУ Александр, чтобы уйти от окружающей действительности, поступает в Сергиев-Посадский богословский институт; красавица Татьяна через брачное агентство выходит замуж за некрасивого американца, который к тому же старше ее в два раза; молодой исследователь Сергей в своей кандидатской диссертации хочет, согласно многолетней традиции, озаглавить первую часть использованной литературы “произведения классиков марксизма-ленинизма” и т.д.¹⁵.

Таким образом, концепция истории России, создаваемая Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнем, оказывается поделена на периоды влияния той или иной иноземной культуры. При этом результат каждой новой волны заимствования оказывается негативным. Россия в попытках слепо заимствовать лучшее у других культур не преуспела и не смогла найти собственный путь развития.

Чжан Бин, автор достаточно одиозной книги “Пронизывая взглядом Россию”, внешним силам приписывает решающую роль в истории нашей страны: во все времена “достижения России были связаны с иностранцами. Как только русские сами брались за дело, так все быстро разваливалось”¹⁶.

Кроме стереотипов о российской истории как о череде волн заимствования достижений других культур, можно говорить о существовании в Китае концепции истории России как истории непрекращающихся войн, “истории огня и меча”¹⁷. Бывший сотрудник посольства КНР в РФ Лэ Юйчэн в своей книге “Бокэ Элосы” (“Блоги о России”) пишет о том, что “войны неотступно, словно тень, сопровождали русский народ”¹⁸. Зарождение и становление Русского государства, согласно этому автору, происходило в непрекращающейся череде военных действий. Победы принесли стране славу, но с другой стороны, поражения становились предвестниками переломных событий в судьбах страны: Крымская война стала поворотным моментом, приведшим в итоге к упадку Российской империи, русско-японская война спровоцировала первую русскую революцию, Первая мировая — Февральскую и Октябрьскую, а война в Афганистане стала одной из причин распада СССР¹⁹.

Цзи Чжие и Фэн Юйцзюнь также пишут о роли войн в российской истории: “В прошлом русские жили на обширной равнине, где не было природных границ, служивших естественной защитой, поэтому шведы, ливонцы, поляки, татары одни за другими покоряли их и правили страной... Но после формирования единой централизованной царской России... русские превратились из покоряемой нации в расширяющуюся, начали “искать” естественные границы...”. Далее авторы перечисляют военные кампании Петра Великого и Екатерины Великой “в эпоху, когда не покорить другого значило быть завоеванным”²⁰.

Можно сказать, что период, связанный с территориальным расширением России, занимает особое место в освещении в Китае истории российско-китай-

ских отношений. К наиболее острым вопросам, по которым в России и Китае существуют различные, порой противоположные точки зрения, относятся освоение Сибири, присоединение Приамурья, Приморья и Забайкалья (“агрессия царской России в Китае”), события июля 1900 г. на Амуре и участие России в “интервенции 8 западных держав”.

Так, Пань Дэли считает, что в XVII в. Россия якобы перешла от оборонительной внешней политики к “завоевательной”. В Сибирь постоянно посылали русские отряды, которые в 1639 г. дошли до берегов Охотского моря и начали вторгаться в китайские территории в бассейне р. Хэйлунцзян (Амур. — *Н.Т.*)²¹. Автором подробно описываются события второй половины XVII в. “В 1643 году якутский воевода Петр Головин направил отряд из 132 человек во главе с Василием Поярковым. Отряд перешел через Становой хребет и вторгся на территорию Китая. Получив отпор со стороны дауров, был вынужден отступить”²². Здесь допущена неточность: на самом деле, столкновение с даурами имело место, однако после него русские продолжили свой поход, дошли по Амуру до моря, а затем по р. Улье отправились назад в Якутск²³.

“В 1650 г. Ерофей Хабаров совершил вооруженное вторжение в районе р. Хэйлунцзян. В 1651 г. он разбил дауров, занял город Яксу, который переименовал в Албазин”²⁴. Здесь необходимо уточнить, что, по мнению российских ученых, “немногочисленное население Забайкалья и Приамурья до прихода русских собственных городов не имело. Даурские городки на Верхнем Амуре и на р. Зее были обязаны своим происхождением войне с даурским племенем солонов князца Балдачи, которому, с целью подчинения всех дауров, оказали поддержку маньчжуры. Все они были не чем иным, как убежищами для местного населения на случай опасности”²⁵. В 1654 г., сообщает китайский источник, Хабарова сменил Онуфрий Степанов. Авторы, однако, не пишут о том, что Хабаров за свои бесчинства был арестован, после чего на его место и был назначен новый “приказной человек на Амуре”. “В 1658 г. эти захватчики были уничтожены цинской армией. Впоследствии, используя в качестве базы Енисейск, агрессоры постоянно пытались продвинуться от Байкала на восток до поселений китайских монголов у р. Шилки. Здесь русские заняли Нибучу (Нерчинск. — *Н.Т.*) и возвели крепость, которая была разгромлена тунгусами и вновь восстановлена русской армией. В 1664 г. Нерчинск был взят в окружение халха, в 1665 г. отряд Черниговского вновь отстроил Албазин на месте китайской Яксы. Во время правления Петра I цинская армия в 1685 и 1686 гг. предпринимала контратаки в целях самозащиты и практически уничтожила российскую захватническую армию. В 1689 г. был подписан Нерчинский договор, по которому район р. Хэйлунцзян и Уссури к югу от Станового хребта был закреплен за Китаем”²⁶. Автор всячески подчеркивает как сопротивление халха русским отрядам, так и их китайское подданство. Но он опускает факты, противоречащие штампу о “русской агрессии”. Например, то, что часть местных инородцев перешли в русское подданство, и то, что подписание Нерчинского договора происходило в условиях значительного перевеса в военной силе с китайской стороны.

Этот подход используют также авторы рассматриваемых нами учебников истории Китая для средней школы, причем действия России они описывают в исключительно негативном ключе. Так, в параграфе под названием “Война за Яксу” сообщается, что царская Россия с середины XVII в. начала вторгаться на ки-

тайскую территорию в районе р. Хэйлунцзян, в Яксе и Нибучу (Албазин и Нерчинск. — *Н.Т.*) русскими были сооружены крепости, которые служили опорными пунктами для расширения агрессии. На китайской территории [русские] убивали, жгли, грабили и даже, как дикие звери, ели человечину. Им героически противостояли цинские войска и представители разных народов²⁷.

Отметим, что сведения о каннибализме русских в китайской историографии закрепились давно и, по-видимому, переходили из одного исследования в другое. В действительности, во время экспедиции, начавшейся в 1643 г., из-за бездарности Пояркова как руководителя отряда во время зимовки часть служилых людей осталась без запасов еды и была обречена на голод. В этих условиях были съедены 10 мертвых служилых людей и около 40 инородцев. Однако это не спасло отряд, погибло от 80 до 100 чел. Когда с наступлением весны отряд двинулся вниз по р. Зее, местное население их “к берегу не припускали, а называли погаными людоедами”²⁸. Вероятно, именно эти события послужили основой для распространения сведений о людоедстве среди русских.

Далее в учебнике по истории Китая для седьмого класса сообщается, что “царская Россия изначально была европейским государством и с Китаем не граничила, но с конца XVI в. начала продвижение на восток, когда и пришла в соприкосновение с Китаем”²⁹. В рассмотренной главе описывается взятие Яксы: русские стали требовать от дауров ясак — выплаты дани пушниной. Те ответили, что платят дань китайскому императору Шуньчжи. Вооруженные луками, дауры пытались защитить Яксу, но русские с помощью пушек ворвались в крепость, “омыли кровью весь город”, оставив в живых лишь 15 человек³⁰. В 1689 г. после проведения “равноправных переговоров” был подписан Нерчинский договор³¹, который закрепил земли в районе рек Амура и Уссури, включая остров Куедао (Сахалин. — *Н.Т.*) за Китаем³². На приведенной в учебнике карте отмечены города, которые в настоящее время находятся на территории России, однако по Нерчинскому договору были китайскими.

Обращают на себя внимание и задания для самостоятельной работы школьников в параграфе “Война за Яксу”. Первое предполагает обсуждение пройденного материала по картине современного китайского художника, на которой изображено военное столкновение русских с цинскими войсками. Другое сформулировано следующим образом: “В 1684 г. правительство царской России направило в Яксу (Албазин. — *Н.Т.*) нового предводителя по фамилии Толбузин. Ему царь выдал герб города в форме щита, на котором был изображен орел, в одной лапе которого был зажат лук, а в другой — стрела”³³. Согласно заданию, ученики должны обсудить, что обозначал этот герб: что Якса уже принадлежит царской России или станет отправной точкой для дальнейшей экспансии³⁴. Здесь следует отметить, что речь должна идти не о гербе города, а о печати; причем существует целый ряд печатей других острогов со схожими эмблемами, разработанными еще в первой половине XVII в.³⁵

В учебнике для восьмого класса российско-китайские отношения рассматриваются в параграфе, посвященном событиям второй опиумной войны. Под заголовком “Захват Россией значительной части территории нашей страны” помещены таблица “Территории северного Китая, захваченные Россией путем заключения неравноправных договоров” и карта “Захват Россией территорий северного Китая”³⁶.

В тексте сообщается, что в период второй опиумной войны “Россия, воспользовавшись ситуацией, принудила Китай подписать ряд неравноправных договоров (Айгунский договор 1958 г., Пекинский договор 1860 г., пять протоколов о границе 1880-х гг.) и захватила территории Северо-восточного и Северо-западного Китая площадью более 1500 тыс. кв. км”³⁷. На карте показаны территории, отошедшие к России по результатам договоров, и линия российско-китайской границы на 2006 г.

Следует также отметить, что параграф “Захват Россией значительной части территории нашей страны” сопровождается заданием, при выполнении которого необходимо с опорой на карту постараться как можно более подробно и точно описать процесс захвата китайских территорий Россией³⁸.

Более детально рассматриваются российско-китайские отношения во второй половине XIX в. в связи с событиями в Восточном Туркестане. В параграфе под названием “Возвращение Синьцзяна” сообщается, что Англия и Россия стремились поддержать Якуб-бека (правителя самопровозглашенного на территории Синьцзяна государства Джетышшаар, боровшегося за независимость от цинского Китая. — Н.Т.), чтобы установить контроль над Синьцзяном. Не принимая во внимание суверенитет Китая, они признали власть Якуб-бека, подписали с ним торговые соглашения и поставляли ему оружие. И для Англии, и для России, стремившихся к разделу части китайской территории — Синьцзяна, Якуб-бек был марионеткой. А в 1871 г. Россия напрямую ввела войска и оккупировала Илийский край³⁹. После подавления восстаний народов северо-западных областей Китая цинское правительство направило в Россию посла и одновременно приготовилось к военным действиям в Илийском крае. Как пишут авторы учебника, “Россия всеми способами пыталась оказать давление на посла, не признавала никаких доводов. Но [посол] Цзэн Цзицзэ твердо отстаивал свою справедливую позицию”. В это же время Цзо Цзунтан “приказал своим бойцам идти вперед, неся гроб, чтобы показать тем самым свою решимость в возвращении Или. Этими действиями он оказал поддержку дипломатической борьбе Цзэн Цзицзэ, и Россия вынуждена была вернуть Илийский край”⁴⁰. Однако часть территории в этом регионе осталась у Российской империи, которой китайское правительство должно было выплатить большую контрибуцию⁴¹.

В этом случае китайские историки снова опускают те события, которые не свидетельствуют в пользу их точки зрения. Современные отечественные исследования доказывают, что в указанный период Пекин был ослаблен внутривнутриполитическим кризисом, связанным с последствиями подавления Тайпинского восстания (1850–1864). По этой причине цинские власти были не в состоянии сдерживать волнения в Синьцзяне. Русское правительство поначалу проводило политику невмешательства в отношении китайской проблемы в Синьцзяне. Однако, когда действия Якуб-бека при поддержке Англии начали наносить ущерб интересам России, было принято решение о вводе войск. При этом занятие Илийского края царское правительство с самого начала рассматривало как временную меру, “поскольку сохранение целостности Китая считало для себя более выгодным, чем его распад”⁴². На переговорах 1879 г. Россия должна была следовать выработанной стратегической линии возвращения Илийского края, но, как пишет А.Д. Воскресенский, “под воздействием военных экспертов и представителей местных властей была выбрана неверная тактика ведения переговоров”. В итоге Ки-

тай отказался от ратификации подписанного Ливадийского договора. Вместо подписавшего Ливадийский договор Чун Хоу цинская сторона выдвинула более удачную кандидатуру для ведения переговоров — Цзэн Цзицзэ, воспользовалась консультациями британской дипломатии и сформировала жесткую позицию⁴³. В результате по Петербургскому договору 1881 г. Россия возвращала Китаю территорию Илийского края, за исключением его небольшой западной части, предназначенной для поселения жителей, пожелавших, в соответствии с положениями договора, покинуть территорию края; русская сторона получала компенсацию на покрытие военных издержек и удовлетворение исков пострадавших в результате восстаний русских подданных и добилась льгот для русских торговцев на территории края⁴⁴.

В Китае распространено мнение о несправедливом характере всех договоров, заключенных между Россией и Китаем во второй половине XIX в.⁴⁵ Даже после урегулирования всей линии российско-китайской границы эта тема остается весьма болезненной для многих китайцев. Так, генерал Ли Хэн, в течение тринадцати лет принимавший участие в разного рода мероприятиях, связанных с контактами между НОАК и российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, в своих воспоминаниях в январе 2009 г. пишет, в частности, о своем визите в Россию: “Мы не забыли китайских названий этих трех российских городов. Китайское название Благовещенска — Хайланьпао, Хабаровска — Боли, Владивостока — Хайшэньвай. В период между 1858 и 1860 гг. царская Россия поглотила эту часть территории. Хотя унижение уже стало историей, находясь здесь, чувствуешь себя подавленно”⁴⁶.

Здесь следует упомянуть также об Айгуньском историческом музее, основанном в 1975 г. на месте подписания “позорного” Айгуньского договора 1858 г. В музее представлены “история Айгуни, агрессии царской России в Китае и китайско-русской войны”⁴⁷. Он был основан по инициативе известного китайского писателя Лю Банхоу, знатока и поклонника русской литературы, в то время занимавшего пост начальника департамента культуры при администрации провинции Хэйлунцзян. Из двух тысяч экспонатов музея значительная часть была собрана лично Лю Банхоу. В 2006 г. Айгуньский исторический музей был реконструирован с использованием новейших технологий и материалов⁴⁸. В настоящее время музей имеет статус “базы патриотического образования” КНР, его посетили уже более 2 млн чел., среди которых бывший министр обороны Чи Хаотянь и другие китайские государственные деятели, а также тайская принцесса Сириндорн. Между тем, по свидетельствам отечественных китаистов, российских граждан в этот музей не пускают. Когда один из китайских блоггеров в октябре 2008 г., в канун празднования Дня образования КНР, поместил в своем онлайн-дневнике отчет о посещении музея, трое из тридцати шести откликнувшихся подчеркивали, что “историю унижения не следует забывать” и “нельзя, чтобы это повторилось”; остальные благодарили автора за “напоминание об истории” и поздравляли с праздником⁴⁹.

Отметим, что рядом с Айгуньским историческим музеем по настоянию Лю Банхоу, несмотря на возражения “некоторых товарищей”⁵⁰, установлен памятник А.П. Чехову с надписью “Русский писатель Антон Чехов (1860–1904) посещал Айгунь с дружественным визитом”. Как пишет Тун Даомин (китайский писатель и литературовед, член Союза китайских писателей. —

Н.Т.) на сайте газеты “Гуанмин жибао”, А.П. Чехов был первым писателем, воспевающим в своих произведениях Хэйлунцзян (Амур. — Н.Т.)⁵¹. Его путешествие по р. Хэйлунцзян Лю Банхоу называет одним из наиболее ярких событий, свидетелем которых была эта река⁵².

Следует отметить, что стремление “поправить” в сознании школьников действительные государственные границы иногда встречается и в наших учебниках. Так, в 2002 г. Министерство образования России одобрило учебник истории “Истоки” для 2–8 классов средней школы, присвоив ему федеральный министерский гриф. В этом учебнике в параграфе “Рубежи и пределы” лауреат Государственной премии за внедрение новых методик А. Камкин пишет, что рубежи и пределы Отечества “очерчивают то, что было обжито и освоено общим трудом нашего народа, полито кровью его защитников-воинов, освящено единой Верой и Правдой”. Пределы Отечества “передаются из поколения в поколение в былинах, сказаниях, песнях, в суждениях, отражаются в литературе и искусстве. В исторической памяти народа... сопровождаются теплыми чувствами и особыми образами. И при этом — не всегда совпадают с границами государственными”. В конце параграфа одно из заданий сформулировано следующим образом: “Уместно ли на рубежах Отечества знаменитое выражение “Не в силе Бог, а в Правде”?”

Здесь хочется подчеркнуть, что, видимо, вне зависимости от национальной принадлежности историки и методисты при составлении учебников, призванных воспитывать у школьников дух патриотизма, используют одни и те же приемы. Можно сказать, что, отстаивая свои “рубежи”, китайские историки, по существу, также апеллируют к выражению “Не в силе Бог, а в Правде”. Здесь следует отметить, что коренными насельниками дальневосточных “пределов” были местные племена, освоение же этих территорий китайцами и русскими началось позднее.

Освещение в китайских школьных учебниках российской истории, не связанной напрямую с территориальным вопросом, не имеет выраженного негативного характера. История Советской России в период становления советской власти оценивается положительно. Так, в учебнике по зарубежной истории для девятого класса сообщается: “Октябрьская революция под руководством В.И. Ленина является величайшей революцией в истории человечества, она искоренила режим эксплуатации человека человеком”⁵³. Авторы учебника отмечают огромную роль Ленина в возникновении и становлении первого в мире социалистического государства и развитии идей марксизма⁵⁴. Подчеркивается, что после завершения гражданской войны политика военного коммунизма была заменена высокоэффективной НЭП. После смерти В.И. Ленина советский народ под руководством И.В. Сталина продолжил строительство социализма и добился значительных успехов. Однако, как отмечают авторы, “было допущено немало ошибок” — СССР долгое время делал упор на приоритетное развитие тяжелой промышленности, что нанесло ущерб развитию сельского хозяйства и легкой промышленности⁵⁵. В целом, такой подход к оценке этого этапа исторического развития России характерен для всей изученной литературы.

Следует отметить, что при изложении истории дореволюционной России китайские авторы используют такие понятия, как “феодалная страна”, “царская Россия”, “империалистическое государство”. Характер изложения, воспри-

ятие и оценка внутренней и внешней политики нашей страны до 1917 г. задаются негативным отношением к феодализму как синониму отсталости, а также к таким терминам как к империализм и царизм. При освещении развития СССР выведение отдельных отрицательных, с китайской точки зрения, особенностей политики из сущности самого социалистического строя оказывается невозможным. Поэтому китайские авторы начинают связывать политический курс советского государства с личностью лидера страны.

Н.С. Хрущев в книге Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня изображен комической фигурой, героем анекдотов и объектом насмешек. По мнению этих китайских авторов, он проводит крайне непоследовательную и недальновидную политику. Несмотря на инициированную им же критику “культа личности” Сталина, придя к власти, он начинает создавать свой “культ личности”; без учета природных особенностей СССР вмешивается в вопросы сельского хозяйства; “чтобы продемонстрировать свое лидерство в международном коммунистическом движении, не считаясь с международной практикой, аннулировал подписанное с китайским правительством соглашение, прекратил оказание помощи Китаю и отозвал всех [советских] специалистов”⁵⁶.

Политический портрет Л.С.Брежневца схож с образом Н.С.Хрущева. Китайские авторы приводят на страницах своей книги анекдот, связанный с большим количеством государственных наград, фактически присужденных Л.С. Брежневым самому себе⁵⁷. Очевидно, что такие оценки отражают утрированные представления о советских руководителях периода обострения советско-китайских отношений⁵⁸.

Что касается М.С. Горбачева, то, по мнению китайских авторов, его “наивный романтизм” привел СССР к распаду⁵⁹. В краткой биографии в справочнике “Страны мира: Россия” сообщается, что М.С. Горбачев, “принимая активные меры для смягчения отношений с Западом, внес “вклад” в завершение “холодной войны”, за что в 1990 г. получил Нобелевскую премию мира”, причем слово “вклад” дано в кавычках⁶⁰.

В то же время с начала 1990-х гг. экономически и политически окрепший Китай перестает воспринимать Россию как соперника, в отличие, скажем, от США и Японии. Соответственно начинает меняться характер освещения ситуации в нашей стране и оценки деятельности российских лидеров. В центре внимания естественным образом оказываются сложности, с которыми столкнулась Россия в этот период. Главным критерием оценки политики Российской Федерации становится готовность российских президентов к уступкам в пользу КНР.

Так, говоря о ельцинской эпохе, в книге “Такие разные русские” 1997 г. авторы констатируют, что “шоковая терапия” разрушила экономику; страна утратила свой статус на мировой арене и во всем следовала за Западом; в России появилось целое поколение людей, лишенных идеалов и цели в жизни⁶¹. Утверждается, что Б.Н. Ельцин фактически расписался в своей беспомощности, признав, что “реформы были ошибочными”⁶². В вышедшей в 2005 г. книге о России Пань Дэли отмечает, что “несмотря на допущенные промахи во внешней и внутренней политике, многолетний кризис в политике и экономике, [Б.Н. Ельцин] всегда держал власть в своих руках... и покинул политику после того, как должным образом оформил свое “политическое завещание”⁶³. Китайский дипломат Лэ Юйчэн в день смерти Б.Н. Ельцина пишет в своем блоге, что этот человек “яв-

ляется самой противоречивой фигурой современности”, “в период его правления экономика была разрушена, в обществе царил хаос, в политику вмешивались олигархи, в то же самое время под его руководством Россия вступила на путь демократии, народ получил большую свободу, экономика стала рыночной, страна сохранила единство, был избран выдающийся преемник — Путин”⁶⁴. Окончательную оценку первому президенту Российской Федерации китайский автор дает, исходя из его вклада в дело нормализации и укрепления двусторонних отношений с КНР. В этой связи он подчеркивает значение “Совместной китайско-российской декларации”, подписанной Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином в 1996 г., в которой было провозглашено решение развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.⁶⁵

Позиция В.В.Путина в вопросе развития российско-китайских отношений является важнейшей причиной формирования положительного образа этого политического деятеля и представлений о нашей стране. В изданной в марте 2000 г., еще до президентских выборов, книге о В.В. Путине авторы приводят его точку зрения относительно намерений России всемерно развивать отношения партнерства, высказанную во время встреч с министром обороны КНР Чи Хаотянем и министром иностранных дел Тан Цзясюанем⁶⁶. Китайские авторы подчеркивают, что “популярность В.В. Путина в Китае связана с тем, что, во-первых, он следует в русле политики Б.Н. Ельцина, то есть придает важное значение отношениям с КНР, и, во-вторых, стремится сделать страну сильной, что укрепит совместный китайско-российский антиамериканский фронт”⁶⁷. Говоря о дипломатических талантах и интуиции Путина, авторы отмечают, что он “в первую очередь обменялся рукопожатиями с Китаем”⁶⁸. Принимая во внимание общность интересов и протяженную общую границу, а также то, что Китай — заслуживающий доверия партнер, который никогда не предавал друзей, “Путин надеется и готов идти вместе с Китаем и укреплять отношения”⁶⁹.

Кроме того, позитивные представления о преемнике Б.Н. Ельцина связаны с оценкой его решительных действий в Чечне. Авторы книги “Железная рука Путина” еще в 2000 г. подчеркивали его “несгибаемый характер”, “выдающиеся способности к руководству” и считали, что он “обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы встать во главе огромной страны”⁷⁰.

В современном Китае позиция В.В. Путина по чеченскому вопросу — важный критерий оценки всей его деятельности, поскольку для китайского правительства такой же острой проблемой являются уйгурский и тибетский сепаратизм. Решительные, без оглядки на мнение западных стран, действия российского лидера, а также поддержка принципиальной позиции КНР по тайваньскому вопросу, безусловно, вызвали у большинства китайцев горячую симпатию.

Аналогично, положительную реакцию в Китае вызвало провозглашенное В.В. Путиным намерение “идти собственным путем”, “не копируя западные или [другие] иностранные модели”⁷¹. Отдаление России от Запада означало, по мнению ряда китайских авторов, сближение с КНР, что соответствовало интересам китайского правительства. Китайские авторы отмечают важность Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. и образование Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 г.⁷²

Таким образом, имя В.В. Путина тесно связано с успехами в борьбе с чеченским сепаратизмом и международным терроризмом, укреплением центральной власти, восстановлением законности и правопорядка, а также возрождением и ростом российской экономики⁷³. Восемь лет правления Путина, как пишет китайский дипломат Лэ Юйчэн, — это время, за которое был осуществлен переход от хаоса к порядку; период политической стабильности и экономического роста⁷⁴.

Такую же оценку этому периоду дает Чжэн Цзяцзе, автор-составитель книги о Д.А. Медведеве, вышедшей в марте 2008 г. Как и западные политологи, автор убежден в том, что Д.А. Медведев будет придерживаться политики своего предшественника, что в России продолжится “путинская эпоха”, “а сам Медведев, по существу, будет новым Путиным”⁷⁵. Для Китая это, в том числе, означает дальнейшее укрепление отношений с РФ.

Кроме того, в данной книге сообщается о глубоком интересе Д.А. Медведева к китайской культуре, возникшем еще в юности после знакомства с китайцем — профессором, приглашенным Ленинградским университетом, который читал лекции по культуре и истории Китая⁷⁶. Это представление отражено и в других статьях, опубликованных в Интернете⁷⁷. Увлечение нынешнего российского президента культурой Китая не случайно. Авторы книги пишут, что все петербуржцы, вслед за основателем города Петром Великим, равнодушны к китайской культуре. Уже не одно поколение петербуржцев читает в переводе китайскую литературу, в особенности Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи. Во многих университетах в обязательную программу входит изучение философских принципов Конфуция, Лаоцзы, Мэнцзы. Кроме того, на протяжении десятилетий Петербург является основным центром китайской иммиграции в России, здесь сильны культурные традиции Поднебесной, и это, по мнению авторов, не могло не повлиять на Медведева⁷⁸.

Таким образом, в современном Китае акцентируются те черты и качества лидеров Российской Федерации, которые импонируют китайскому руководству и большинству жителей страны. Желание подчеркнуть те или иные черты иногда ведет к искажению реальной ситуации.

В целом можно констатировать, что российская история в изученных нами источниках освещается относительно достоверно. Правда, следует указать, что китайские авторы популярной литературы о нашей стране чрезмерно акцентируют фактор иностранного влияния на историю России. Это зачастую выражается в стремлении составить собственную периодизацию русской истории, подчеркивающую несамостоятельное, по мнению этих авторов, развитие российского государства.

Другой особенностью китайского восприятия истории России является значительная роль образа лидера государства в представлениях о стране в целом. При этом, в зависимости от политической обстановки, в Китае акцентируются те качества российских руководителей, которые импонируют китайской политической элите и большинству жителей страны.

Весьма важно то, что в вопросе территориального разграничения между Россией и Китаем, несмотря на полное урегулирование всей линии границы, сохраняется существующая уже долгие годы тенденция представлять Россию как “захватчика китайских территорий”⁷⁹. Причем эта тенденция особенно ярко выражается в современных учебниках истории китайской средней школы.

Что же касается “преемственности курса практически всех как российских, так и советских правительств в отношении Китая”⁸⁰ как особенности большинства китайских исследований 1980-х — середины 1990-х гг., отмеченной в предшествующих отечественных исследованиях, на наш взгляд, в изученных источниках нет достаточного количества подтверждений справедливости этого положения в наши дни. Можно говорить о том, что в Китае признают роль Октябрьской революции и влияние Советского Союза на КНР, в том числе и советскую помощь, но с оговорками — подчеркивают, что она была небескорыстной, что в конечном итоге советско-китайские отношения рассматривались СССР с точки зрения собственной выгоды.

1. Китай в мировой и региональной политике: История и современность: Вып. 13 (специальный). Основные особенности внутри- и внешнеполитического курса китайского руководства и их влияние на образ России в Китае. М., 2008. С. 230.
2. Hsia T.A. Demons in Paradise: The Chinese Images of Russia // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1963. Vol. 349, № 1. P. 27–37.
3. Цзи Чжиге, Фэн Юйцзюнь. Ибосаньчжэ элосыжэнь [Такие разные русские]. Пекин, 1997. С. 8; Подробнее о проблеме см.: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1060117500>. — Усов В.Н. Рычание “бумажного тигра”. Как Китай обзавелся ядерной бомбой (страницы истории).
4. Пань Дэли. Легочжи: Элосы [Страны мира: Россия]. Пекин, 2005. С. 42.
5. Там же. С. 44.
6. Цзи Чжиге, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 22.
7. Там же. С. 22.
8. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
9. Цзи Чжиге, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 22.
10. Там же. С. 23.
11. Там же. С. 24.
12. Там же. С. 25–26.
13. Там же. С. 26.
14. Там же. С. 29.
15. Там же. С. 29–30.
16. Цит. по: Китай—Россия: отголоски прошлых противоречий // Экспресс-информация ИДВ. М., 2006. С.91.
17. Лэ Юйчэн. Бокэ Элосы [Блоги о России]. Нанкин, 2007. С. 139.
18. Там же. С. 139.
19. Там же. С. 139–140.
20. Цзи Чжиге, Фэн Юйцзюнь. Указ. соч. С. 16–17.
21. Пань Дэли. Указ. соч. С. 52.
22. Там же. С. 55.
23. Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. — 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 288.
24. Пань Дэли. Указ. соч. С. 55.
25. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 17.
26. Пань Дэли. Указ. соч. С. 55.
27. Чжунго лиши [История Китая]. 7 кл., ч. 2. Жэньминь цзяоюй (Народное образование), 2005. С. 105.
28. Артемьев А.Р. Указ. соч. С. 19.
29. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 7 кл., ч. 2. Хэнань, 2005. С. 105.

30. Там же.
31. Нибуучу туююэ в учебнике. — Н.Т.
32. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 7 кл., ч. 2. Хэнань, 2005, С. 106.
33. Там же. С. 105.
34. Там же. С. 105.
35. См.: *Новиков-Даурский Г.С.* Печать Албазинского острога — редкий и интересный геральдический памятник. Благовещенск, 1952. Т. 2. С. 49–51; Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1969. Т. 1.; 1972. Т. 2. 836 с; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII — XIX вв. М., 1981.
36. Чжунго лиши [История Китая]. Учебник для 8 кл., ч. 1. Хэнань, 2006. С. 8.
37. Там же. С. 8.
38. Там же. С. 9.
39. Там же. С. 12.
40. Там же. С. 14.
41. Там же. С.14.
42. *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С.82. См. также: *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 166.
43. Там же. С. 270–272.
44. Там же. С. 273–276; *Попов И.М.* Указ. соч. С. 172–173, Подробнее см.: *Воскресенский А.Д.* Цзэн Цзицзэ — дипломат, ученый, литератор нового времени // XX научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. М., 1989. Ч. 2. *Воскресенский А.Д.* Инструкция цинскому представителю Цзэн Цзицзэ на русско-китайских переговорах 1880–1881 гг. в Петербурге и история одной фальшивки // XXI научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. Ч. 2. М., 1990; *Воскресенский А.Д.* “Илийский кризис” в русско-китайских отношениях: особое совещание 4 марта 1879 г. // XXII научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тез. и докл. Ч. 3. М., 1991; *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора // Памятники исторической мысли. М., 1995.
45. См.: Янь Цзяци. 10 фактов, касающихся проблемы китайско-российской границы. Ответ на статью советника-посланника посольства России в Китае Гончарова и Янь Цзяци. Следует еще раз вернуться к вопросу о китайско-российской границе // Экспресс-информация ИДВ РАН. М., 2006. Вып. № 10.
46. http://www.chinamil.com.cn/site1/xwpdxw/2009-01/15/content_1619994.htm. — Чжунгоцзюньван.
47. <http://cpc.people.com.cn/GB/33843/2534389.html>. — сайт “Новости коммунистической партии Китая”. Под китайско-русской войной имеют в виду события 1900 года на Амуре.
48. <http://cpc.people.com.cn/GB/33843/2534389.html>. — сайт “Новости коммунистической партии Китая”.
49. http://blog.sina.com.cn/s/blog_4d3792ae0100at5z.html.
50. <http://www.gmn.cn/01shsb/1998-11/05/gb/789sh7-516.htm>. — Тун Даомин. Цихэфу юй Хэйлунцзян. 1998.
51. Там же.
52. Там же. Интересно, что недалеко от Айгуньского исторического музея в городе Хэйхэ 22 сент. 2007 г. был открыт первый в Китае Музей китайской эмиграции в России. В коллекции музея более 1000 экспонатов, свидетельствующих о жизни в Советском Союзе и России китайских эмигрантов и студентов за последние сто лет. Подробнее см.: <http://www.crt.com.cn/news2007/News/heilong/2007/925/079250812K0E056CBG96CA62J3751.html>.
53. Лиши [История]. Учебник для второго семестра девятого класса. Шанхай, 2006. С. 55.
54. Там же. С. 57.
55. Там же. С. 58.

56. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь*. Ибосаньчжэ элосыжэнь [Такие разные русские]. Пекин, 1997. С. 13.
57. Там же. С. 14.
58. Более объективный и полный подход — см., например: *Рахманин О.Б.* К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 20–36.
59. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь*. Указ. соч. С. 16.
60. *Пань Дэли*. Указ. соч. С. 82.
61. *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь*. Указ. соч. С. 29.
62. Там же. С. 29.
63. *Пань Дэли*. Указ. соч. С. 83.
64. *Лэ Юйчэн*. Указ. соч. С. 86.
65. Там же. С. 88.
66. *Тун Цзяньчжоу, Ван Юн*. Тевань Пуцзин [Железная рука Путина]. Пекин, 2000. С. 241–254.
67. Там же. С. 254.
68. Там же. С. 314.
69. Там же. С. 314.
70. Там же. С. 49.
71. Там же. С. 303.
72. *Пань Дэли*. Указ. соч. С. 74.
73. Там же. С. 73.
74. *Лэ Юйчэн*. Указ. соч. С. 89.
75. *Чжэн Цзяцзе*. Элосы цзунтун — Мэйдэвэйцзефу [Президент России — Медведев]. Пекин, 2008. С. 2.
76. Там же. С. 187.
77. См. http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-05/22/content_15408037.htm, <http://news.sina.com.cn/w/2008-03-14/144615149607.shtml>.
78. http://russian.china.org.cn/china/txt/2008-05/22/content_15408037.htm. *Чжэн Цзяцзе*. Указ. соч. С. 187; <http://news.sina.com.cn/w/2008-03-14/144615149607.shtml>. По-видимому, эти представления появились у китайских авторов во многом под влиянием книги “Санкт-Петербург на перекрестке культур. Китайский маршрут” одного из петербургских Китаеведов, доцента восточного факультета СПбГУ (*Самойлов Н.А.* Санкт-Петербург на перекрестке культур. Китайский маршрут. СПб., 2003.).
79. Подробнее о китайской концепции о неравноправном характере договоров см.: *Воскресенский А.Д.* Китайские исследователи конца XX века о погранично-территориальных проблемах и русско-китайских отношениях в кн.: *Границы Китая: история формирования*. М., 2001. С. 50–83.
80. *Границы Китая: история формирования*. М., 2001. С. 64.